

ИСТОРИЯ КУНСТКАМЕРЫ — МАЭ: КОЛЛЕКЦИИ, СОБИРАТЕЛИ, СОТРУДНИКИ

С.В. Березницкий

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТНИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ КАРАВАНОВ ГЕОДЕЗИСТА Е. ВЛАДЫКИНА В МОНГОЛИИ И КИТАЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Процесс накопления этнографических, исторических, географических, геодезических, картографических и других материалов в России XVIII в. определялся многими факторами. Один из них был связан с внешней торговлей. В XVIII столетии важное место в торговых отношениях России в Сибири и на Дальнем Востоке занимал Китай. Китайские и другие восточные товары, изделия промыслов, произведения искусства доставлялись в Россию торговыми караванами. Нормы торговли были узаконены условиями Нерчинского (1689 г.), Кяхтинского (1727 г.) договоров, указами императоров и другими документами [Русско-китайские отношения 1958: 10; ПСЗРИ. Т. 3. 1830: 282–284; ПСЗРИ. Т. 4. 1830: 642; ПСЗРИ. Т. 16. 1830: 34].

Исследование русско-китайской караванной торговли позволит осветить этапы развития отечественной Академии наук, процесс сбора этнографических, исторических, географических и других научных данных.

В сферу деятельности торговых караванов были вовлечены многие государственные учреждения того времени: Академия наук, Сенат, Сибирский приказ, Коллегия иностранных дел, Медицинская контора,

Пекинская духовная миссия. Численность отдельных караванов достигала нескольких сотен человек. Входившие в их состав ученые, переводчики, священники, военные, геодезисты и прочие специалисты наблюдали и фиксировали этнографические особенности российских регионов и соседних стран, изучали китайский и маньчжурский языки, приобретали карты, книги, предметы материальной и духовной культуры.

Разнообразные сведения о деятельности караванов содержатся в архивных материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПФ АРАН), в Архиве Внешней политики РФ (АВП РФ), в архиве Института восточных рукописей (ИВР), в других архивных учреждениях, в опубликованных трудах XVIII–XXI вв. [Березницкий 2014: 76–83].

Выдающийся ученый XVIII в., академик Петербургской академии наук, один из руководителей Второй Камчатской экспедиции историограф Сибири Г.Ф. Миллер (1705–1783) в большой работе о русско-китайской торговле оценил ее важность в международном плане, описал основные маршруты караванов и классифицировал по степени важности российские и китайские товары, точно подметил этнокультурные особенности китайских и русских купцов [Миллер 1756; 1755: 195–250; 525–537; 1756: 180–191; 195–226; 339–360; 387–421].

Известный российский археолог Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) на основе анализа архивных материалов показал многие аспекты караванной торговли России с Китаем XVIII в.: процесс создания географических карт с помощью геодезистов, мероприятия по посылке в Китай с караванами священников и востоковедов для изучения китайского и маньчжурского языков [Бантыш-Каменский 1882: 156–162, 164–165, 173–174, 175, 189–190 и др.].

В первой трети XX в. Б. Г. Курц (1885–1938) опубликовал несколько монографий об истории русско-китайских отношений в XVI–XVIII вв., о влиянии дипломатии на караванную торговлю, подробностях работы торговых караванов и конкретных купцов, поступлении китайских товаров в Петербург, китайских книг для Академии наук [Курц 1928: 331–340; 1929].

Сотрудники МАЭ РАН (Т.К. Шафрановская, Т.В. Станюкович, А.М. Решетов, В.Н. Кисляков) на протяжении XX–XXI вв. исследовали и исследуют музейные экспонаты, часть которых была привезена из Восточной Азии при посредстве торговых караванов, анализируют деятельность Франца Лукаса Елачича, посланного Академией наук с торговым караваном для сбора китайских экспонатов, сгоревших в Кунсткамере в 1747 г., научные изыскания караванных директоров Л. Ланга,

А.М. Владыкина и др. [Шафрановская 1958: 155–159; 1969: 5–28; 1971: 215–222; Станюкович 1953; 1964: 25–26; 1978: 43–44; Решетов 1980: 98–99; Ксенофонтова, Решетов 1980: 114–115; Кисляков 1996: 57–74; 1996: 68–95; 2008: 81–83; 2009: 211–253].

Постепенно появляются труды о караванной торговле и в XXI в. Так, сотрудница РГАДА Н.Ю. Болотина обобщила деятельность 17 казенных торговых караванов, доставивших в Россию огромное количество предметов китайской культуры, часть которых экспонируется в Государственном Эрмитаже и музее «Дворец Меншикова» [Болотина 2006: 172–210].

Отечественные востоковеды Т.А. Пан и О.В. Шаталов опубликовали и прокомментировали архивные материалы В.П. Тарановича (1874–1941) о научных контактах XVIII в. Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине [Пан, Шаталов 2004]. Это взаимодействие частично осуществлялось и через торговые караваны.

Историк и востоковед В.Г. Дацышен в фундаментальной монографии об истории христианства и православия в Китае осветил связи членов Пекинской духовной миссии с торговыми караванами XVIII в. [Дацышен 2007: 50–52 и др.]. Ценность его работы заключается в том, что она написана с использованием большого количества материалов из китайских трудов, переведенных на русский язык.

В XVIII в., в зависимости от изменяющихся государственных и торговых интересов, караваны проходили до Пекина по разным маршрутам через Кяхту, Чикойскую крепость, Цурухайтуевский форпост, Иркутск, Нерчинск и другие населенные пункты.

Караван под руководством директора Алексея Матвеевича Владыкина, отправившийся в Китай в 1754 г., стал первым, который получил специальное задание Сената проводить этнографические, исторические, геодезические и географические описания по своему маршруту: *«1753 г. ноября 15 в собрании Правительствующего Сената, имея рассуждение, ныне из России в китайское государство отправляется казенный караван <...> не бесполезно ведать положение тамошних, состоящих от Кяхты до Пекина и прочих мест и жилищ, чему при прежде посылаемых караванах никакого осмотра и описания чинено не было. <...> отправить от Сената геодезии подпоручика Еремея Владыкина, которому велеть <...> зачав от самой российской границы, даже до Пекина, положение всех тамошних мест и жилищ и какие где народы, и сколь их многолюдно, и откуда пропитание и довольствие себе имеют»* [Сенатский архив 1901: 196; Нерчинская экспедиция 1764: 688–688 об.].

Этнографическими изысканиями занимался геодезист Еремей Владыкин, который составил подробный отчет о проделанной работе [Владыкин 1764: 688–714 об.]. Власти предупредили Е. Владыкина о том, чтобы он скрывал свою исследовательскую миссию не только от китайцев, но и от других участников каравана. Для выполнения секретного задания геодезисту выдали 500 рублей годового жалованья, подорожную и 200 рублей на проезд до Иркутска. Директору каравана асессору А.М. Владыкину, как специалисту по китайскому языку и культуре, было приказано всемерно помогать Е. Владыкину. В связи с выполнением этого правительственного задания был издан указ Елизаветы о присвоении Е. Владыкину чина поручика геодезии. В помощь ему были даны геодезисты Михаил Башмаков и Михаил Жуков. Геодезическую группу обеспечили компасами, инструментами, бумагой, красками, карандашами и другими необходимыми материалами [Сенатский архив 1901: 219–221]. Геодезист Е. Владыкин со своими помощниками производил измерения «верстомерной машиной» собственного изобретения [Владыкин 1764: 688]. К сожалению, пока не удалось обнаружить подробной информации об этом измерительном приборе.

Описание Е. Владыкин начал 5 сентября 1754 г. от Чикойской Петропавловской крепости, расположенной на левом берегу реки Чикой — притоке Селенги, и далее подробно по дням фиксировал продвижение каравана, с указанием всех достопримечательностей. Он собрал ценные сведения об инфраструктуре городов и крепостей, мирном и военном быте населения.

По своему маршруту караван миновал зимовья: Калинина, Липодское, Савина, Чадочинское, Кяхтинский форпост, Троицкую крепость, Ургу, Калган (монг.) — Джандзяку — Чжанцзякоу, Пекин и др.

По ходу следования Е. Владыкин отмечал места, удобные к поселению, пригодные для сенокосения и земледелия. Каравану встречались монголы-кочевники, которые занимались земледелием, *«весьма по-малу сеют ячменю»*.

В окрестностях реки Толы (Туул, приток Орхона) Е. Владыкин отметил географические координаты небольшого, обнесенного палисадом поселения китайских купцов, состоящего из мазанок и войлочных юрт. Выше по реке в кочевье Урга монгольского кутухты (высшее духовное лицо) находилось около 300 кибиток. Изредка каравану попадались заброшенные кочевья с остатками рвов и валов для защиты от набегов.

В начале ноября караванные грузы переложили с телег, которые тащили быки, на верблюдов.

Недалеко от Белого турпаньего озера с пресной водой Е. Владыкин кратко описал буддийскую кумирню: *«Малая кумирня, плетенная из прутьев и мазана глиной. В ней статуев никаких нет, токмо на бумажной материи нарисованы их кумиры в виде женском разными красками»*.

В начале декабря караван миновал Белое озеро и за ним перешел через земляной вал, *«видимо деланной в древние времена, сказывают, что он вправо продолжается по Гобейской степи, а влево — к реке Онону, а для какой причины и когда и к чему делан, о том известия никакого не получено»*.

В среднем караван проходил около 40–50 км в день и 9 декабря прибыл в город Калган, расположенный между высоких гор и защищенный каменной стеной, военным караулом численностью до ста солдат, вооруженных фитильными ружьями, луками со стрелами и саблями. На каменистой почве жители выращивали различные злаки с использованием системы орошения из реки Байчай.

В середине декабря караванные грузы снова перегрузили на телеги и проехали через несколько городов: Сюаньхуафу (Баян-Сума — по-монгольски «Богатый монастырь») с каменной четырехугольной крепостью, Сяньшуньпу / Шаньцзябу, с крепостью в форме эллипса, Цзиминь, Тумэ, Хуайлай, Чадао, Чанпин. По наблюдениям Е. Владыкина, от городка Чадао шла китайская стена *«до самой Калганской степи»*.

23 декабря 1754 г. караван прибыл в Пекин. Е. Владыкин подробно запечатлел устройство пекинских крепостей, стен и ворот, особо подчеркнул каменистый характер окружающей почвы, из-за чего заниматься земледелием людям приходилось с огромным трудом. Сделав пространный экскурс в этническую историю народов Восточной и Северной Азии, геодезист показал основные этапы захвата Китая маньчжурской династией Цин в середине XVII в. *«В столичном городе Пекине и над всем китайским или никанским государством народ хана имеет манжура, а не природного своего никана или китайца, которой завладел тем государством со 112 лет по имеющемуся в том государстве между своего народа бунту, а жительство тот манжур своею имел близ реки Амура по смежности с китайскими и корейскими государствами, обширностью земли и народа самое малое число»* [Владыкин 1764: 711]. Маньчжуры заняли все важные посты в управлении китайским государством. Китайцы-ханьцы часто поднимали локальные восстания, которые маньчжуры предупреждали посредством слежки и доношительства многочисленных осведомителей или подавляли с помощью гвардии и войска. Е. Владыкин подробно, с использованием маньчжурских

терминов показал структуру, численность, систему вооружения маньчжурской армии в Пекине: гвардию, конные, пехотные подразделения и т.п. В наиболее привилегированных войсках служили маньчжуры, затем следовали монголы и, наконец, китайцы-ханьцы.

Ценными сведениями являются собранные Е. Владыкиным данные о торговом и экономическом потенциале китайских провинций, соседних территорий и государств. Геодезист кропотливо описал товары и продукты сельского хозяйства, ремесел и промысла, которые привозили в столицу из разных провинций и регионов. Сама Пекинская губерния также могла предоставить для торговли различные сорта проса, сорочинское пшено (рис), пшеницу, горох, каштаны, груши, виноград, персики, капусту, женьшень, рыбу, вина, лекарства, мускус, рыбий клей, хлопчатую бумагу и шелковые материи, ковры, войлоки, рогожи, бумагу, соль, известь, железо, каменный уголь, восточный хрусталь, зеркала, фарфоровую и глиняную посуду, луки, ножи, которыми пилят яшму, золото, серебро, кварц, агат, баранов, барсов и барсовые хвосты, медведей [Владыкин 1764: 713]. Подобным образом Владыкин дал характеристику другим губерниям и регионам: Хэнань, Шаньдун, Шаньси, бухарским, корейским, маньчжурским и монгольским владениям. Кратко обрисовал в этнокультурном плане монголов, расселенных от российской границы до Калгана, кочующих на этой территории. Постоянными являются лишь ламаистские кумирни и монастыри. Властитель Китая в сентябре и октябре периодически выезжал на охоту в монгольские степи, где встречался с кутухтой, награждал его серебром, шелковыми материями, мехами. По мнению Е. Владыкина, делалось это для того, чтобы держать монголов в подчинении пекинским властям и не допустить их перехода в российское подданство [Владыкин 1764: 714–714 об.]. В 1755 г. император следовал с огромной свитой, подарки и грузы везли на полтора тысячах вьючных верблюдах.

Какие товары могли вывозить из Китая участники караванов, можно судить по переписке Е. Владыкина с Правительствующим Сенатом и другими различными учреждениями власти. Геодезисты купили для собственного потребления шелковые ткани, чай жулан и байховый, табак-шар, одежду, обувь, постельные и письменные принадлежности, мебель, веера, украшения и косметику, пуговицы, жемчуг, раковины, медные курительные трубки, каменную, деревянную, фарфоровую и лаковую посуду, костяные модели судов, зрительные трубы, лекарство, кукол. Причем некоторые образцы были негодными к использованию и приобретались исключительно для «куриозности», например *«лама-*

ный один цветник цининной» (т.е. изразцовый, майоликовый) [Нерчинская экспедиция 1764: 715–745].

С этим же караваном А.М. Владыкина в Россию возвратился лекарь Франц Лука Елачич, по заданию Академии наук купивший в Китае 273 экспоната для Кунсткамеры и несколько десятков китайских книг [Нерчинская экспедиция 1764: 736 об.].

Этнокультурные и историко-географические исследования каравана под руководством А.М. Владыкина высоко оценил сибирский губернатор В.А. Мятлев. В доношении в Сенат Мятлев в соответствии с присланным ему рапортом селенгинского коменданта и бригадира В.В. Якоби отметил привезенные А.М. Владыкиным копии китайских географических карт (сделанные геодезистом Е. Владыкиным), а также ценные сведения о численности и расселении людей по правому берегу Амура, их занятиях, характере земледелия, военном и оборонном ресурсах [Нерчинская экспедиция 1764: 768–770].

В январе 1756 г. Е. Владыкин представил в Правительствующий Сенат доношение, в котором указал сроки своего пребывания в китайском казенном караване и выполняемые действия: *«Отправлен я был от Правительствующего Сената при казенном китайском караване в Китай даже до города Пекина для некоторой секретной комиссии, при которой и был прошедшего же 1755 года ноября по 15 число, а того 15 числа ноября от определенного при том караване коллежского асессора и главного над китайским караваном директора господина Владыкина с порученной моей комиссией по возвращении оттуда из Иркутска отправлен в Санкт-Петербурх в Правительствующий Сенат»* [Нерчинская экспедиция 1764: 715].

Кроме того, Е. Владыкин в рапорте от себя и от директора каравана А.М. Владыкина представил журнал маршрута и карту *«с приложением сочиненных оным поручиком китайского государства губерниям и провинциям генеральной ландкарты и городу Пекину плана и журнала. А означенный директор Владыкин доносит, что им тем местам ландкарты достаты и срисованы из ханской библиотеки»*. Поручик Е. Владыкин устно добавил, что карта еще требует доработки. Сенат решил: *«Ландкарты и план г. Пекину и описания, как поручик Владыкин в совершенное их окончание исправит, взять и хранить в Сенате в секретной экспедиции, також и по приезде с караваном директора Владыкина купленную им китайского государства географию ему, Владыкину, велено подать в Сенат и чрез кого оную на российский диалект перевести, иметь тогда рассуждение»* [Сенатский архив 1901: 488–489]. С китайских карт Е. Владыкин сделал копии, на которых был изображен огром-

ный географический регион, включающий часть бассейна реки Амура, часть Монголии, Китая, Кореи и даже японских островов [Нерчинская экспедиция 1764: 668 об.].

Таким образом, деятельность торгового каравана А.М. Владыкина, отправленного с конкретной торговой целью в Китай в XVIII столетии, была многоплановой. Изыскательская деятельность геодезистов Е. Владыкина, М. Башмакова и М. Жукова содействовала накоплению отечественной наукой этнографических исторических и географических сведений. Полученные знания не только расширяли научный кругозор россиян, но и укрепляли международный авторитет России. Определенным образом деятельность караванов положительно влияла на развитие отечественной синологии, процесс сбора научных данных об истории и культуре Монголии и Китая.

Источники

Владыкин Е., геодезист «Журнал тракта от Чикойской Петропавловской крепости к столичному китайскому городу Пекину. 1754 года сентября от 5 числа» // Нерчинская экспедиция. 1764 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 688–714 об.

Нерчинская экспедиция. 1764 г. РГАДА. Первый департамент Сената. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. 932 л.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 3. 1689–1699. Законы 1328–1739. № 1578. Марта 22 1697 г. Именной, объявленный приказу Большие казны из Сибирского приказа. О покупке соболей, и других мехов из казны и о неприводе оных из Сибири в Москву и в другие города без таможенной печати. СПб., 1830. С. 282–284.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 4. 1700–1712. Законы 1740–2619. № 2327. Именной, О предоставлении права заниматься торговлею людям всякого звания, о выморочных деревнях, и о наказании укрывающихся от службы. СПб., 1830. С. 642.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 16. С 28 июня 1762 по 1764 г. Законы 11582–12301. № 11630. Именной, состоявшийся в Сенате. О разных постановлениях, касательно торговли. СПб., 1830. С. 31–38.

Библиография

[*Бантыш-Каменский Н.Н.*]. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским, с прибавлением издателя В.М. Флоринского. Казань: Типография Императорского университета, 1882.

Брезницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века: историографический аспект // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 77–90.

Болотина Н. Ю. «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 172–210.

Дацьишен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.

Кисляков В.Н. Собиратели коллекций МАЭ по традиционной культуре народов Китая (дореволюционный период) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. Вып. 4–5. С. 57–74.

Кисляков В.Н. Собиратели китайских коллекций МАЭ РАН (послеоктябрьский период) // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. СПб., 1996. Т. 1. С. 68–95.

Кисляков В.Н. Китайские коллекции МАЭ РАН (история собирания, собиратели) 2008 // Кюнеровский сборник. Материалы Восточноазиатских и Юго-восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 81–83.

Кисляков В.Н. Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН по религиозным воззрениям китайцев. Сведения о собирателях // Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: Наука, 2009. С. 211–253. (Сб. МАЭ. Т. 55).

Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 114–134. (Сб. МАЭ. Т. 35).

Куриц Б.Г. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст. // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 331–340.

Куриц Б. Г. Государственная монополия России с Китаем в первой половине XVIII ст. Киев: Институт народного хозяйства, 1929.

Миллер Г.Ф. Описание о торгах сибирских // ИАН, 1756.

Миллер Г.Ф. Известие о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб.: ИАН, 1755. Ч. II. Сентябрь. С. 195–250; Декабрь. С. 525–537; 1756. Февраль. С. 180–191; Март. С. 195–226; Апрель. С. 339–360; Май. С. 387–421.

Пан Т.А., Шаталов О.В. Архивные материалы по истории христианских миссий в Китае (к изданию работы В.П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб.; Воронеж, 2004.

Решетов А.М. История формирования коллекций и изучение народов Зарубежной Азии в МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 98–107. (Сб. МАЭ. Т. 35).

Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. В.С. Мясников, П.Е. Скачков. М.: Наука. Изд-во восточной литературы, 1958.

Сенатский архив. Протоколы Правительствующего Сената 1753–1756 гг. Т. 9. СПб.: Сенатская типография, 1901.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Наука, 1953.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет музея антропологии и этнографии имени Петра Великого / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука. 1964. С. 5–150. (Сб. МАЭ. Т. 22).

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук. Л.: Наука, 1978.

Шафрановская Т. К. О поездках Лоренца Ланга в Пекин // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 155–159.

Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (поездка Ф.-Л. Елачича в Китай в 1753–1756 гг.) // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 5–28. (Сб. МАЭ. Т. 25).

Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и изучение его дневников // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Т. 16. С. 215–222.

Л.М. Дмитренко

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ ИНДЕЙЦЕВ КАЛЬЧАКИ В СОБРАНИИ МАЭ РАН

Большой вклад в формирование археологических коллекций из Аргентины в МАЭ РАН внес директор Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса Хуан Баутиста Амбросетти [Лукин 1965].

Музей был основан в 1904 г. по инициативе Амбросетти и нуждался в быстром накоплении коллекционного фонда. Ученый использовал связи с сотрудниками зарубежных музеев с целью обмена дублирующих материалов на новые коллекции. В 1906–1907 гг. под его руководством проводились раскопки поселения индейцев кальчаки Ла-Пайя. Материалы этого памятника активно использовались при обмене. Сегодня части коллекции хранятся в шести музеях Аргентины и 13 музеях Европы, Южной и Центральной Америки, Восточной Азии и Океании [Sprovičer 2013: 61–62].

Первые поселение Ла-Пайя упоминалось в 1893 г. в докладе доктора Тен Кате, который нашел на территории древнего города большую урну, вмещавшую скелет ребенка [Ten Kate 1893: 331–348]. В 1885 г. Амбросетти посетил памятник, но не заинтересовался им, так как считал, что он принадлежал местному племени качи. Первые предметы из Ла-Пайя были переданы в Национальный музей Буэнос-Айреса коммер-